

12+

Женон Паскаль Зорин Яромир

Яромир Зорин
Еженон Паскаль

«Издательские решения»

Зорин Я.

Еженон Паскаль / Я. Зорин — «Издательские решения»,

Детство мальчика Еженона и его сестры протекает в небольшой деревушке. Место для детей — настоящий рай: тут есть и озеро, с которого можно прыгнуть с тарзанки, и большое кукурузное поле, в котором можно поиграть в прятки, и, конечно, сладкий деревенский воздух, на котором до позднего вечера приятно побегать по округе. Но это время — рай далеко от Еженона, ведь его властный отец никому не позволит делать что-либо против его воли.

© Зорин Я.

© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
1	8
Прятки в кукурузном поле	9
2	12
Пенсси	13
3	16
Возвращение в дом	17
4	19
Наказание	20
5	23
Вина	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Еженон Паскаль

Яромир Зорин

© Яромир Зорин, 2026

ISBN 978-5-0070-5158-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

На ночной небесной пелене уже рассыпались звёзды, и красавица луна воссияла на своём мрачном престоле где-то над большим кукурузным полем. В глубине поля стояло страшное чучело с тыквенной головой, спрятанной под мешковиной. Одетое в безобразную одежду, оно наводило ужас и исправно выполняло своё предназначение — отпугивать прилетающих птиц, насекомых и даже непрошенных гостей, которые под покровом ночи повадились на поле мистера Сарьярса, чтобы украсть урожай и продать подороже.

Кражи начались прошлым летом здесь, в деревне Конхайт, и нельзя было понять, откуда взялись такие смельчаки или полные кретины, которые осмелились сделать хоть шаг на территорию этого весьма неприятного человека, если, конечно, его вообще можно было назвать человеком.

В один летний день, в лунную ночь, в одном из домов, что стоял дальше от остальных и не жаловал ни соседей, ни гостей, разгорелся очередной скандал. Бурю гневных и противоречивых мыслей вызвал глава семейства, мистер Боригард Сарьярс Паскаль. В этот раз, в отличие от прочих пустяковых скандалов из-за грязного цветочного горшка или слишком маленького кусочка мыла, была и правда серьёзная причина: отсутствие одного из членов семьи.

Мистер Паскаль был очень опасливым и нелюдимым человеком и, возможно, поэтому старался воспитывать своих детей по своему подобию. Нет, он не был трусом, кто угодно, но только не Боригард. Однажды, когда Боригард купил в магазине просроченную рыбу, он вывез продавца в своё кукурузное поле, привязал его к бамперу комбайна, и бедняга от страха стал заикаться.

В семье было немного человек, но каждый должен был выполнять свою заранее порученную работу. Миссис Паскаль в тот день делала уборку, дочь Женестьева занималась стиркой, а сыну Еженону было поручено самое важное — приготовление ужина. Все беспрекословно выполняли приказы отца, боясь его скверного характера, но в этот день лишь Еженон воспротивился воле отца. И нет, этот мальчик не был сильнее или больше своего тирана, вовсе нет, но хитрости ему было не занимать: он просто сбежал. Возможно, это довольно простой и глупый поступок, однако поступок, достойный большой смелости, ведь не каждый способен сбежать от человека, от которого зависит, а уж тем более от такого тирана, как собственный отец.

Еженон Паскаль

1

Прятки в кукурузном поле

Бежать! Нужно бежать быстрее, пока он не догнал меня. Разумеется, он уже знает, куда я убежал. А может быть, мне повезет, и я смогу избежать наказания? Но в чем, собственно, я виноват на этот раз? Все дело в том, что я не люблю рыбу, не в том смысле, что она сама по себе вызывает у меня отвращение, вовсе нет. Рыба для меня лично очень плоха на вкус, а уж особенно если её буду готовить я. Отец приказал мне приготовить рыбу, именно приказал, хотя он это называет «попросить». Конечно, когда ты высокий и имеешь власть над маленькими, нет, немного не так, скорее, когда ты взрослый, то ты имеешь власть над маленькими, особенно если эти маленькие — это собственные дети.

Самой любимой фразой в его арсенале во время любого нравоучения была: «ПОВЗРОСЛЕЕШЬ — ПОЙМЕШЬ!». Иногда мне кажется, что он и сам не знает, что означают эти слова, возможно, то, что во взрослой жизни открываются все подводные камни, например, то, что твоя любимая тетушка Делайла или дядюшка Сайрус на самом деле не такие милые и любимые из-за своего скверного характера, который ты не замечал, разумеется, потому что ты маленький и глупый. Конечно, это все мои догадки, и тетушку Делайлу и дядюшку Сайруса я придумал, но тем не менее мне кажется, что отец апеллирует этой фразой просто потому, что не знает истинного её значения, и просто повторяет её, так же как когда-то говорил ему его отец, чтобы самоутвердиться и провести эту великую черту между глупым и малознающим ребенком и всезнающим взрослым.

Поток моих мыслей прервало пугало, которое стояло посреди кукурузного поля в квадрате поваленной кукурузы. Почему оно стоит именно так, было загадкой, хотя, возможно, тем самым кто-то разграничил нашу кукурузу от чужой. Да, я прекрасно знаю, что отцу принадлежит только пять акров из десяти, и, наверное, я дошел до точки, до самой границы между нашим и чужим.

Не очень далеко послышался хриплый низкий крик.

— ЕЖЕНОООООООООН!

Крик этот принадлежит чудовищу по имени Боргард Паскаль, это мой отец. Раздалось два выстрела из ружья. Я стал метаться по сторонам, и в голову мне пришла блестящая идея. Если я вытащу пугало и выкину его на другую часть поля, то смогу встать на его место, одевшись как оно, и, возможно, пронесёт. Я пытался поднять пугало, но всё впустую — оно слишком плотно впилося в землю. Раздался очередной выстрел из ружья, в этот раз ближе. Мне ничего не оставалось делать, кроме как бежать дальше, дальше на чужую территорию.

Кажется, я смог оторваться, больше выстрелов слышно не было. Я всю ночь просидел среди зарослей кукурузы, и под утро меня разбудил шорох. Шорох доносился откуда-то со стороны, но откуда было непонятно. Я развернулся, стараясь не издавать ни звука, и, дождавшись, когда шорох прекратится, драпанул куда глаза глядят. Мне повезло, и я наконец выбежал из кукурузного поля. Место было мне знакомо, это была часть участка мистера Панпинака и нашего соседа по участку, но я не мог вообразить, что я пробежал десять акров кукурузного поля со страху, однако, подумав, что я бежал всю ночь и лишь сейчас покинул кукурузное море, это показалось вполне возможным. Вдруг я увидел на холме прямо над полем зеленый старый амбар и побежал туда, оставляя за собой последние силы. Я добрался, озираясь по сторонам, стоя на холме, вдали я увидел, что папин комбайн молотит все поле вдоль и поперек.

— Он ищет меня.

Тихим шепотом сказал себе я и дернул старую огромную дверцу амбара, краска на которой очень давно потеряла яркость и всякую привлекательность. Зайдя внутрь, я обнаружил загоны со свиньями. Было страшно лезть к свиньям в загон, в свои десять лет, прожив в этой деревне, я многое знал о животных, это несмотря на то, что я не хожу в школу, но об этом позже. Так вот, я знал, что свиньи — всеядные животные, но эти в загоне уже спали, наверное, были сытыми. Страх пришлось перебороть, и я полез в свиной уголок, наступая босыми ногами, потому что сбежал из дому в ночной рубашке, ведь я плевать хотел на ужин и пошел спать, но когда услышал крик отца, выбежал из дома в чем был.

Свиней было пятеро, я осторожно примостился в углу за самой крупной.

2

Пенсси

В амбар кто-то вошел, и дверь так громко захлопнулась, что я проснулся, сам того не заметив, как задремал. Вместе со мной проснулись и свиньи, которые своим испуганным метанием по загону напугали меня еще больше, чем шум двери. Я крикнул от страха и услышал тихий голос.

— Кто тут?

Голос принадлежал девочке, а может быть, и нет. Проверять я не отважился, так как знал, что если меня обнаружат тут, то мне не избежать наказания. Я аккуратно поднялся на ноги и хотел было перелезть через ограду и каким-то чудом выбежать на улицу, но поскользнулся и упал прямо в грязь. Свиньи еще больше забегали и завизжали. Спустя минуту перед собой я увидел фигуру. Протерев глаза от грязи, я наконец смог разглядеть эту фигуру, но прежде чем это сделать, я завопил со страха:

— Пожалуйста, не наказывайте меня, я извиняюсь, я буду себя хорошо вести...

Фигурой оказалась и правда девочка. Она была невысокого роста, с бледной кожей, глаза ее были черными как маслины, но позже они окрасились в золотисто-карий — это маленький

луч солнца пробрался сквозь деревянные доски и врезался в ее глаза. Волосы девочки были спрятаны под красный платок в белый горошек, но из-под платка выбивался маленький волнистый светлый локон. Уши девочки также прятались под платком, отчего казалось, что вся ее голова — сплошной шарик, небрежно замотанный в тряпку с горохом. Девочка молча стояла и смотрела на меня с непонимающим взглядом. Я понимал, что выгляжу довольно глупо в ее глазах: подумать только, какой-то мальчишка весь в грязи, причем в одной только ночной рубашке, просит о пощаде. Да, это и правда выглядит нелепо. Я кое-как встал, отряхнулся и, перелезая через загон, собирался драпануть к дверям амбара. Как только это сделал, услышал ту девчонку:

— Ты бездомный? Или потерялся? Как тебя зовут?

— Я Еженон. Еженон Паскаль, и я вовсе не бездомный, просто луначу по ночам, вот и оказался тут случайно.

Девочка вдруг закрыла рот обеими руками и сказала: — Ой. Она взяла ведро, в котором были очистки от овощей, и вылила его прямо в загон. Свиньи завизжали и захрюкали от упавшего с небес деликатеса и принялись есть.

— Еженон, а где ты живешь?

— За кукурузным полем, у меня небольшой дом, но он у меня есть, и мне уже пора.

Я развернулся к дверце и, приоткрыв ее, увидел, что сюда кто-то идет. Этим кто-то была моя мама и незнакомый мужчина. Я захлопнул дверь и вновь начал метаться по амбару, совершенно позабыв о том, что я не один в нем. Девочка с улыбкой наблюдала за моими жалкими прыжками в разные стороны, и тут дверь амбара отворилась, а я нырнул в кучу сена возле двери. Девочка поспешила к сену, взяла в руки рядом стоявшие вилы, и в голове у меня проблеснула мысль: «Всё, она меня заколет!» Но страшного не случилось, вместо этого она припорошила меня сеном и тем самым закрыла понадежней, и мне больше не было видно ничего.

— Здравствуй, Пенсси, ты уже покормила свиней? Это миссис Паскаль, она ищет своего сына. Ты случайно не видела нигде мальчишка в пижаме?

— Здравствуй, папа, да, я уже покормила хрюшек. Здравствуйте, миссис Паскаль, приятно познакомиться, меня зовут Пенсси. Нет, я не видела никаких знакомых мальчишек, да и незнакомых тоже не встречала. А он что-то натворил?

— Нет, детка, он убежал из дому. Отец уже все поле прочесал, не может его найти. В полиции сказали, что в розыск подавать рано, потому что три дня нужно ждать, а я так переживаю.

— Думаю, он найдется, миссис Паскаль, пойдете, я налью вам успокоительное.

Пенсси повернулась к стогу, сняла с него немного сена и велела мне вылезать. Я выполз весь в сене, оно прилипло к грязи, как пиявка.

— Из-за тебя мне пришлось соврать папе и той милой женщине! Это твоя мама? Не важно! Я ее не знаю, но мне кажется, она очень милая женщина. Так или иначе, она твоя мать и переживает за тебя! Еженон, тебе должно быть стыдно, будь у меня такая мама, я бы просто обожала ее.

— Пенсси, ты ведь Пенсси? Ты не понимаешь, они лишь делают вид, что любят меня. Пойми, я убежал не просто так, мне лучше жить на улице, чем с ними.

— Еженон! Она твоя мать, и я более чем уверена, что она тебя любит. Ты должен вернуться домой, пока с ней что-нибудь не случилось.

— Что, например?

Пенсси подошла ко мне и выдернула из моих каштановых волос липкий кусочек грязи и сена. Было больно, я решил прекратить этот бессмысленный спор и вышел из амбара.

— Постой! Ты не можешь пойти в таком виде! Подумай только, как твоя мать будет переживать, вернее, она и так в ужасе, я уверена. Но если ты еще и явишься домой в таком безобразном виде, то и того хуже.

— Да всё нормально! Спасибо, что не выдала меня!

Я шмыгнул за двери амбара, но Пенсси вцепилась в меня и отвела в сторону.

— Слушай, нельзя сейчас туда идти, если они увидят, как ты выходишь из амбара, то и мне влетит за враньё, тебя-то тут они не видели. Поэтому мы пойдем позже.

Наконец до меня дошло то, что Пенсси имела в виду. И правда, если я выйду, то меня найдут, и Пенсси попадёт, а мне не хочется приносить неприятности еще кому-то, тем более тому, кто меня спрятал. Мы стали ждать.

3

Возвращение в дом

После того как взрослые пропали из поля зрения, Пенсси схватила меня за руку и повела в небольшой двухэтажный домик с покосившейся крышей. Мы вошли внутрь, и я удивился тому, насколько чисто было в доме. В доме Пенсси был широкий коридор, на стенах которого висели картины — как я позже понял, это были её рисунки: разные цветы и животные, очень красивые. Мы влетели в ванную комнату, и она дала мне кусок белого мыла. Оно было приятным и пахло розами, дома такого не бывает. После этого Пенсси принесла мне новую одежду, чтобы я переоделся. Было неловко, но она оставила меня одного, и мне всё-таки пришлось снять с себя грязную пижаму. Вместо неё, на вопрос о том, хочу ли я есть, я сказал ей, что не голодный, но она всё равно принесла мне большую чашку рисовой каши, в которой плавал щедрый ломтик масла, и кусок свежего хлеба.

— Кушай на здоровье, и не стесняйся. Чувствуй себя как дома.

— Это вряд ли...

Тихо жуя хлеб, пробубнил я. Чувствовать себя как дома было бы просто нереально. Ведь у меня дома совсем ужасно, в отличие от этого. Я перестал жевать кашу и вдруг задумался: что дальше? Куда мне бежать дальше? Может быть, мне придётся жить на кукурузном поле с этого дня. Нет, домой идти опасно, это я знаю точно. Пенсси вдруг подозрительно посмотрела на меня, но не так, как это делает отец, а с улыбкой и интересом.

— Что случилось? У тебя зуб заболел? Это не страшно, у меня вот нет одного зуба, он выпал, когда я каталась на корове как на лошади и упала.

Пенсси подняла верхнюю губу, и я увидел, что одного переднего зуба и правда нет. Мне стало так смешно, что каша вылетела изо рта и разлетелась во все стороны. Я тут же испугался и извинился. Бросив ложку, я стал ладонями сгребать ошмётки каши. Пенсси смеялась. Мне понравился её раскатистый звонкий смех. Могло показаться, что где-то вдалеке закричала какая-то больная птица, но нет — это был смех Пенсси. От него мне самому хотелось смеяться ещё сильнее.

— Почему ты всегда извиняешься? Ты ведь не сделал ничего плохого. Мы ведь просто весело проводим завтрак. У тебя есть друзья, Еженон? Или сестра? А может быть, даже несколько?

— Я...

Откуда у этой девочки, которую я встретил, столько энергии в глазах? Почему она разговаривает со мной с таким интересом и добротой? И что самое интересное, она не ругает меня за мою неуклюжесть.

— Знаешь, Еженон, у меня нет ни сестёр, ни братьев, но мне всегда хотелось иметь брата. Например, такого, как ты. Ты неуклюжий, ты уж извини, но это сразу видно. Но это нормально! Это даже забавно. Я в твоём возрасте была такой же, хотя, по правде говоря, я от тебя ушла не далеко. Ну вот сколько тебе? Лет девять?

— Мне десять лет. Спасибо за всё, Пенсси, но мне уже пора идти...

— Ну хорошо. Я тебя провожу.

Мы разошлись в разные стороны около пугала. Я лишь пару раз оглянулся назад, прежде чем Пенсси, махавшая мне рукой, не скрылась за кукурузой. Вернувшись домой, меня окатил резкий запах варёного мяса и каких-то бобов. С минуту я понял, что это мама готовит гороховый суп. Пробравшись к двери в свою комнату, я открыл её и вошёл, но тут же был выгнан родной сестрой. Женестьева в этот момент сидела в кругу любимых подружек и что-то бурно обсуждала, но, увидев меня, по правде говоря, в нашей общей комнате, тут же кинула в меня подушкой и велела мне выйти. Эта комната не всегда была общей. Она стала таковой только тогда, когда родился я. И почему у меня нет своей комнаты? Да просто потому, что дом у нас

маленький, лишних комнат нет. Единственный подходящий вариант для моего проживания была комната сестры, в худшем случае — жить на чердаке, или у бабушки. Всякий раз, когда сестра выгоняла меня из нашей комнаты, я поднимался на чердак. Это происходило так часто, что он стал моей второй комнатой. Да, это была холодная комната, где не было ни света, ни кровати, зато это был мой угол. Угол вдали от семьи, угол, где никто не кричит на меня просто так. Я поднялся на чердак и уселся на матрас возле небольшого окошка, стекло которого было разбито, но я склеил его скотчем, и дуло с улицы не так сильно, но когда шел дождь, становилось сыро. Зато вид из окна попадал на кукурузное поле. Было даже видно тот старый амбар, в котором я встретил своего друга Пенсси. Удивительно, что раньше я его не замечал, наверное, это из-за кукурузного поля. Но теперь мой отец повалил всю нашу кукурузу, и я мог наслаждаться новым видом.

4

Наказание

Ко мне на чердак поднялась мама, она открыла крышку люка в полу и я увидел в проеме ее темную голову. В комнате помимо сырости появился запах печеного теста, иначе говоря пряности, так пахли волосы мамы всегда после работы на кухне. Она была одета в серое платье, без узоров, абсолютно просто и скромно. Я не знал была ли правда о том что она любит это платье или же просто боялась надеть что-то достойное для нее и яркое. Конечно это не правда, и про то что она любит скромную темную одежду, и это старое и не раз перешитое платье из которого там и сям торчали нитки. Все дело в отце, он настолько всех запугал что не позволяет нам выделяться среди серой массы. Все для него кто носит что-то яркой были распущенными грешниками, хотя сам вел себя как ему вздумается. На худых, и слегка больных ногах, те были с синяками, наверное из за проблем со здоровьем на которое она никогда не жаловалась были туфли, с давно истоптанной подошвой. Она подошла ко мне и запах выпечки стал четче, она села и посадила меня к себе на колени.

— Как сильно я переживала что с тобой что-то случилось, твой отец вчера впал в ярость и из-за этого даже перелопатил всю кукурузу, и завтра утром тебе придется собирать незрелый урожай. Женевьева тоже расстроилась когда узнала что ты не ночевал дома, она собрала подружек чтобы развесить объявления по округе о твоей пропаже и поехала со мной в участок полиции, но нам пришлось ждать три дня. Даже не представляю что бы я делала если бы ты не вернулся...

На худом лице матери потекли слезы, капли слез нашли выход из зеленых, покрасневших глаз и через пару морщин обрушивались к краю овального лица, минуя впалые щеки. Мама отвела лицо в сторону чтобы я не видел ее слез, на душе моей стало гадко. Она медленно встала с матраса на котором я сплю иногда и пошла к люку который вел вниз. Перед тем как пропасть в половой дыре она велела мне не задерживаться и спускаться на кухню, на кухне был готов обед, и она упомянула что я могу вернуться в свою комнату так как подруги сестры уже ушли. Мама ушла, но гадкое чувство осталось, через некоторое время я спустился вниз.

Внизу было застолье, по центру стола сидел отец. Толстый и лысый мужчина с безобразно неухоженной бородкой, похожей больше на козлиную, сам он считал конечно иначе. Борода это залог мужественности и достатка семьи, чем роскошней и длинней борода, тем богаче семья, и разумеется его борода была прекрасна, но исключительно для него самого. На нем была старая растянутая пивная майка, пивная она была потому что он открывал с помощью нее пиво, оборачивая краешком ткани от майки крышку бутылки, и открывал. На пивной майке, которая приросла к жирной потной коже отца, была рубашка, неясного цвета, не то бежевая, не то желтая, но я точно уверен в том что когда-то она была белой. Отец ее никогда не снимал, и мог расшибить голову каждому кто попробовал бы хоть усомниться в том что она чистая, как собственно и о его великолепном внешнем виде. С боку от него всегда сидела бабушка, мою бабушку зовут Феакла, она выглядит как изюм, изюм и все. Ну а если серьезно то она очень старая, ей почти восемьдесят девять лет, зубы у нее давно сгнили потому что она плохо за ними ухаживала, но ей поставили вставную челюсть, из-за этой челюсти отец долго ворчал потому что она стоила очень дорого. Волосы бабули если их можно так назвать выглядели примерно как паутина которую размазали на желтом воздушном шарике. Почему именно так? Все просто, у моей бабушки проблемы с печенью, и совсем недавно выяснилось что у нее желтуха, поэтому она стала похожа на старый лимон. Не смотря на все это моя бабушка была еще более неприятным человеком, нет дело не в запахе, от нее всегда пахло мочой, неизвестно почему, дело было в том что у нее был скверный характер. Возможно это было связано с возрастом бабули но мне в это мало верится, я считаю что характер не влияет на возраст как и склад ума не влияет на него. Словом ты можешь быть маленьким но очень умным, а можешь быть

как некоторые люди почтительного возраста, или просто взрослым но глупым как пенёк. Напротив бабули сидела мама и просто молча ела гороховый суп. Рядом с мамой сидела моя сестра Женевьева, та ещё мерзавка. Неоднократно она сваливала на меня свои проказы, например как то раз она постирала вещи и постирала белые папины вещи вместе со своим красным платьем из-за чего папины вещи стали розовые, влетело мне. Или ещё был случай...

— Ну и что тут у нас?

Поток моих мыслей сбил хриплый недовольный голос отца, он словно ястреб глядел на меня покрасневшими карими глазами и сверлил взглядом, можно было только догадываться какое количество дурных слов вертелось у него в голове но он лишь громче прикрикнул, не отводя взгляд.

— Я тебя спрашиваю сопляк! Что это такое? А?

Меня вбросило в жар, в горле пересохло а между языком и гортанью поселился комок. Я сильно вспотел из-за чего на белой рубашке которую мне дала Пенсси, под моими подмышками появились пятна пота и на спине тоже. От рева все тело трясло и мне хотелось заплакать. Нельзя было просто стоять и молчать, необходимо ответить пока не стало хуже и я ответил настолько громко насколько только смог.

— Ничего..

Отец встал, но из-за стола не вышел, это было хорошо пусть между нами будет дистанция, от этого не так страшно. Но я уже достаточно привлек к себе внимания, на меня смотрела мама и сестра, бабушка конечно не обращала на меня внимания потому что ковыряла пальцами в тарелке супа и доставала из него вареный лук, при этом она бормотала себе что-то под нос.

— А ну подошел сюда!

Отец продолжал кричать и крошки еды выпрыгивали из его рта на стол. Он показал указательным пальцем перед собой, это значило что я должен встать именно там. Мое место казни предопределенно, как только я встану под обстрел оскорблений меня накажут, а может быть ещё и побьют. Бежать было некуда и мне пришлось пойти к отцу.

Подойдя ближе мне на слух попался голос бабули.

— Один, два, три опять горох, а я хотела фасоль, пять восемь шесть...

Какой-то бред, она яростно ковыряла тарелку и доставала из него уже крупный горошек, который не успел развариться как следует и клала его на стол напротив вареного лука. Сестра и мама глядели на меня, но потом сестра встала и ушла мыть посуду.

— На меня смотри! Сопляк! Это что же ты творишь... а?

По моим щекам побежали соленые слезы, я смотрел на черные резиновые сапожки, и почему-то думал о Пенсси. Отец схватил меня за голову, и пол под моими ногами провалился, мне в лицо полетели его слюны и этот крик прорезал мои уши даже сквозь его большие ладони.

— Ещё раз ты посмеешь уйти из дома, никогда больше не попадешь в него ты меня понял?

— П..п..понял...

Пискнул я и оказался на своих двоих, трясло сильнее, все закончилось, на меня наорали. Мне казалось так ровно до той минуты пока не услышал вопрос отца.

— Что это на тебе? Откуда у тебя эти тряпки! Украл?

— Нет.

— Украл гаденыш? Отвечай я тебя спрашиваю!

— Нет! Я не крал!

Отец замолчал и заскрипев руками махнул на меня рукой, этим жестом он велел мне уйти с глаз долой, я сделал слабый шаг в сторону тарелки с горячим супом, это была моя порция на сегодня, но рука отца схватившаяся за мой воротник, не позволила мне двинуться дальше.

— Снимай с себя это...

— Можно мне покушать?

— Раздевайся я сказал!

Ждать ответа было бесполезно, сверлящий взгляд отца пробирал меня насквозь, я начал раздеваться. Тут мама возразила отцу но тут же замолчала когда он впился и в нее взглядом, и бабуля тоже посмотрела на нее отложив вареную морковку подальше от лука но ближе к гороху. Мама лишь жалобно взглянула на меня и тихо кивнула. Мне пришлось раздеться до трусов. Отец взял мою одежду и вылил на нее мою порцию горохового супа, после чего я был свободен, я убежал на чердак.

5

Вина

После обеда, который мне так и не достался, за окном скрылось солнце, и приползли тучи, они принесли с собой сильный ливень. Ливень — это хорошо, это значит, что мое наказание по сбору урожая отменяется, вместо этого мне поручили помыть бабулю в ванной. Женевьева поручила мне это задание и пропала с неприкрытым хохотом из моей комнаты, ну, в смысле, чердака. Я надел коричневый свитер с горлом и черные брюки, на ноги натянул желтые вязанные носки и спустился вниз. Дома стало холодно, в ванной комнате уже ждала бабушка, мама принесла полотенце, свежую одежду для бабушки и успокоила меня словами о том, что отца не будет несколько дней дома, он уехал вместе с мистером Канюфайгером в город по каким-то важным делам, каким делам, разумеется, никому не сказал. Я знал мистера Канюфайгера немного, лишь пару раз в моей жизни он появлялся в нашем доме. Но эти пару раз я запомнил надолго, отец и Айрон Канюфайгер, которого на самом деле звали Кларк, и неизвестно почему он называл себя чужим именем. Когда этот странный мистер Кларк или мистер Айрон, в общем, Канюфайгер был у нас дома, отец вел себя иначе, не орал и не буянил, иными словами, из отца будто изгоняли его самого и подменяли кем-то другим, кем-то более адекватным. Мама ушла и оставила меня один на один с бабулей, она в это время уселась на маленький табурет и пыталась снять носок. Я наклонился и стал ей помогать, мы не говорили, просто молча раздевались, она себя и я ее. — Ежик, я хотела тебе что-то сказать... Я снял четвертый носок с правой ноги, потому что у бабушки мерзли ноги, и она всегда надевала на себя множество слоев одежды, но для ее возраста это нормально. — Да, бабуля. Мы переглянулись, и в ее светлых глазах с пожелтевшим белком из-за болезни, отразилась какая-то искра здравого ума. Помимо желтухи у бабушки была еще и другая болезнь — деменция, огонек в глазах утонул в желтом болоте в глазах, и она вновь открыла рот, над верхней губой которого были редкие черные усики. — Пошевеливайся! Дубина! Ты хочешь, чтобы я тут околеда и умерла? — Да, бабуля. — Что? Ах ты бессовестный! — Я не в этом смысле. На вопли бабули прибежала сестра узнать, что у нас происходит. При виде сестры Женевьевы, бабуля начала свою роль. Играть свою роль у нее значило то, что она начнет жаловаться и плакать без причины, и пока я не окажусь наказанным за что бы то ни было, концерт не прекратится. — Женевьева, дочка! Помой бабушку! Будь душкой! После этих слов Феаклы, моей бабули, Женевьева выгнала меня с уточнением того, что я даже не могу такое простое дело сделать, как помыть любимую бабушку. Я прошел из ванны на кухню, где мама пила чай. — Садись, Еженон, я тебя покормлю. Я сел на стул возле мамы, и она налила мне гороховый суп, я жадно начал уплетать суп, давясь хлебом, мама лишь с умилением смотрела, как пропадает суп из тарелки. — Я знаю, почему ты убежал из дома. Прожевав еду как следует, я удивленно посмотрел на маму, неужели она знает, что произошло той ночью, когда я решил сбежать. Неужели она знает, что я убежал не из-за рыбы? — Еженон, где ты пропадал всю ночь? Тебе плохо в нашей семье? Я что, такая плохая мать, что ты готов убежать от меня? А бабушка? Ей уже почти девятый десяток, неужели она плохая? Нельзя так с больными людьми, она же старенькая. Почему ты все время заставляешь отца нервничать, а ты подумал о том, как тяжело твоей сестре? Женевьева круглый день трудится по дому, помогает мне, а еще и учится успевает. Неужели ты решил, что ты один можешь ничего не делать просто потому, что мы забрали тебя из школы? — Я помогаю. — Все, что я от тебя вижу, Еженон, это то, что ты приносишь только неприятности в нашу семью, почему ты не можешь, я даже не знаю, относиться к своей семье с пониманием. Ты мне скажи, тебе чего-то не хватает в жизни? У тебя что, нет одежды? Почему ты украл где-то эти вещи? Почему ты всегда доводишь меня до слез, Еженон? На лице матери появились слезы, я подошел к ней, чтобы обнять, но она оттолкнула меня и велела идти к себе в комнату. — Спасибо большое за суп. После того, как меня покормили, я не вернулся в комнату, вместо этого я вновь поднялся

на чердак, примостившись возле окна, я укрылся в слегка влажное одеяло и смотрел на град за окном, который шел словно снег.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.